

ДИАЛЕКСИЯ И ДИАСЕМИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕСТРА И ДУНАЯ

Л.В.Колесникова, Г.А.Черезова

(кандидаты филологических наук, доценты,

Измаильский государственный гуманитарный университет)

У статті розглядаються діалексія і діасемія як вияв лексичної інтерференції в російських говірках межиріччя Дністра і Дунаю.

The article examines cases of lexical and semantic interference in the varieties of Russian spoken between the Dniester and Danube.

Исследование русских говоров, функционирующих на территории междуречья Днестра и Дуная, известной также под названиями Украинское Придунавье, Южная Бессарабия, Буджак, дает ценный фактический материал, требующий пристального внимания, всестороннего изучения и глубокого осмысления.

Лингвистическая уникальность ареала, по мнению П.Е.Гриценко, заключается, во-первых, в смене наддиалектных форм коммуникации: литературными языками, имевшими в разное время неодинаковую сферу распространения в регионе (во всем или в его частях), были русский, румынский, украинский, болгарский; во-вторых, в языковой и диалектной пестроте, обусловившей многосторонние афронтальные контакты; в-третьих, в его латеральности – говоры каждого из языков (украинские, русские, румынские, гагаузские) составляют или промежуточную зону распространения (далее распространены другой язык), или диалектный анклав (например, болгарские говоры) в инодиалектном окружении (1, 3).

Рассматривая вопрос о социолингвистическом прогнозировании языкового развития в Придунайском регионе Украины, А.А. Колесников отмечал, что «история миграции создала в регионе особый языковой ландшафт, который в зависимости от историко-политических условий подвергался некоторым изменениям, но тем не менее характеризуется сложившимся на протяжении веков специфичным интеръязыковым пластом, высокой степени терпимости к фактам межъязыковой интерференции» (2, 63). Население края характеризуется национальным разнообразием: в междуречье Днестра и Дуная живут украинцы, русские, молдаване, болгары, гагаузы, армяне, евреи и представители других национальностей (по итогам Всеукраинской переписи 2001 г., украинцы составляют 35,8%, болгары – 24%, 8%, русские – 17,7%, молдаване – 15,25%, гагаузы – 4,6%, др. – 1,9%), а языковая ситуация – сложностью и многогранностью. Это иллюстрирует прагматическое допущение У.Вайнрайха о том, что «... языковое сообщество никогда не бывает однородным и вряд ли бывает когда-либо закрытым» (3, 18). Ситуация билингвизма и мультилингвизма приводит к взаимодействию различных языковых систем и порождает интерференцию. Генетическая близость украинского и русского языков, которую А.А.Реформатский образно назвал «провокационной близостью», приводит к «соблазну отождествления своего и чужого» (4, 43). Результаты «соблазнительных тождеств» своего и чужого встречаются на различных ярусах языковой системы, в том числе и на лексико-семантическом уровне.

Не следует забывать, что в основе языкового взаимодействия всегда лежат экстралингвистические явления: совместное проживание разных этносов на одной территории, экономические, политические и культурные контакты разных народов и т.д. Г.В.Степанов по этому поводу замечает: «Когда языковые изменения объясняют контактами двух систем..., то часто забывают, что контактируют не системы и структуры, а их носители» (5, 74).

Под взаимодействием нами понимается комплекс явлений, происходящих вследствие установления межъязыковых связей, а языковые контакты – как особый тип межъязыковых связей, наряду с которыми стоят и дистантные, и промежуточные языковые связи,

возникающие между двумя языками, не контактирующими непосредственно, но каждый из которых находится в контакте с третьим языком.

В регионе 20 русских сел, их население является носителем диалектной речи, представленной южнорусскими переселенческими островными говорами. Функционируя в полилингвальном окружении, они, вступая во все указанные типы языковых контактов, хотя и сохранили основной южнорусский лексический фонд, фонетическую, грамматическую и словообразовательную системы, но подверглись интерференции разных видов.

Предмет нашего внимания – возникшая в таких условиях лексическая интерференция в русских говорах региона, изучаемая членами кафедры общего языкознания и славянских языков Измаильского государственного гуманитарного университета в рамках долговременного научного проекта «Литературные языки и диалекты украинского Приднубья. Мультилингвальный атлас междуречья Днестра и Дуная» под руководством директора Института украинского языка НАН Украины проф. Гриценко П.Е.

С.В.Семчинский отмечает два основных направления изменений в лексико-семантической системе говоров вследствие взаимодействия языков: непосредственное заимствование лексических единиц одного языка другим и калькирование (6, 362). В наших материалах зафиксирована интерференция первого типа, при которой отношения между смешиваемыми единицами лексико-семантического уровня взаимодействующих языков подразделяются на диалексию и диасемию.

Национально-культурная специфика носителей диалекта, как известно, ярко отражается в обрядовой лексике, признающей исследователями одной из самых консервативных, репрезентирующих реликтовые, архаические черты говора. Тем более ценными представляются наблюдения над интерференционными явлениями, свойственными структурным элементам лексико-семантического поля *свадьба*.

Характерно, что интерференция коснулась всех микрополей данного лексико-семантического поля, начиная с ядерной лексемы (в текстах представлены как синонимы исконное *свадьба*, заимствованное из украинского языка *веселье/веселие*, двукомпонентная номинация *свадебное гулянье*).

В микрополе *свадебные действия*, наряду с общеславянским *сватанье*, входит в качестве синонима присущий для украинской свадебной терминосистемы номен *заручины*, хотя обозначаемые ими понятия не эквивалентны. Результатом русско-украинского языкового взаимодействия можно считать лексему *перевязка*, связанную с не существующим в русском свадебном обряде действием – перевязыванием некоторых участников свадебной драмы полотенцами, платками и т.п.

В старообрядческом говоре г. Вилково употребляется слово *перезва*, называющее действие второго дня свадьбы: *А на следующий день начиналась перезва. По обычаю жених вместе с свахой и сватом с перезвой шли, брали чайник вина и благодарили за невесту.* Следует отметить, что данная лексема, отсутствующая даже в региональном «Словаре русских говоров Одесщины», широко распространена в украинских говорах.

В словаре В.И. Даля представлена форма *pluralia tantum перезвы*, в отличие от зафиксированных нами фактов, с ударением на срединном слоге в значении *взаимный зов в свадебном обряде, когда родители жениха и невесты приглашали друг друга в гости* (7, 53). В словаре украинского языка 1909 года Б.Д. Гринченко лексема *перезва* (со ссылкой на этнографа Чубыцкого) толкуется следующим образом: *В понедельник родители невесты шли к родителям жениха* (8, 118). На наш взгляд, в данном случае можно говорить о различных вариантах самого свадебного действия, а также об акцентологических и морфологических модификациях наименования этого действия.

Среди названий свадебных чинов содержатся дублетно-синонимические ряды с собственно русскими и заимствованными украинскими и молдавскими элементами. Русским терминам в маскулинном и фемининном вариантах *сват - сваха, крестный - крестная, крестный папаша - крестная мамаша, венчальный папаша - венчальная мамаша* соответствуют молдавские параллели *нанаши/нанашул - нанашика*.

Микрополе *атрибути свадобного обряду* представлено номенами артефактов, блюд, напитоков, изделий из теста, свадобного реквизита и т.п., среди них встречается немало дублетных единиц, появившихся в результате межъязыковых контактов. Традиционный свадобный атрибут – *каравай*, фиксируемый в устойчивых ритуальных словесных блоках-присловьях типа *сыр – каравай принимай, наших молодых одаряй*. Вместо лексемы *сыр*, употребление которой ограничено устойчивыми фольклорными формулами, на территории исследуемого гетерогенного диалектного континуума наблюдается повсеместное распространение субститута романского происхождения *брынза*. Например, в наших текстах: *Када разрезають каравай на кусочки и по кусочку ложуть брынзы*.

Интересным фактом лексической интерференции в ряду наименований изделий из теста является лексема *шишка*, заимствованная из украинских говоров (*шишки пекли, гостей на свадьбу звали*). В толковом словаре современного украинского языка слово *шишка* имеет два обрядовых значения: 1) *украшение из теста на пасхальном хлебе*; 2) *свадобный хлеб особого рода*. Эти лексико-семантические варианты объединены на основе формы, подражающей виду сосновой шишки.

Одним из обязательных свадобных блюд в селах региона была запеченная или сушеная айва, называемая здесь *гутуля* (*была закуска суши, гутули сушеные*). Слово *гутуе*, заимствованное из молдавского языка, в результате его освоения изменило звуковую форму. Во время свадобной трапезы, по данным наших записей, подавали *малаи из папуши* – сладкий пирог из кукурузной муки на кислом молоке. Заметим, что это блюдо готовилось и в русских, и в украинских, и в болгарских, и молдавских селах региона.

К другим проявлениям интерференции среди названий ритуальных блюд из теста относится лексема *плагинда / плагинда*, представленная как два фонетических варианта, одинаково встречающихся в наших текстах: *Стряпуха готовит разные блюда, ну там солянка, лапшовник, плагинду, ряженый пирог...*

В словаре Б. Гринченко слово *плагинда* трактуется как род слоеной лепешки (8, 193), а у В.И. Даля *плагинда* (*заимствованное из перс., греч., молд. языков*) объясняется как *род пресных, тонко раскатанных лепешек; слоеный, в листах, круглый, сладкий пирог*. Ни в одном из словарей не содержится указание на начинку, тогда как в исследуемых русских говорах *плагинда / плагинда* употребляется в значении *пресная выпечка с кабаком*. Тюркизм *кабак* выступает в говорах междуречья Днестра и Дуная как эквивалент русского литературного *тыква* (9, 246).

Наименования свадобного реквизита также содержат заимствованную лексику прежде всего из украинского языка. Параллельно используются русское *полотенце* и украинское *рушник* (*сабирались, вышивали рушники*). Подобное явление наблюдаем и в предсвадобном ритуале, когда молодые целуются через *куцубу* во время выпечки каравая или шишек (*пають обманку и через куцубу целуются*). Украинская лексема *куцуба* соответствует русскому слову *кочерга*, которое в подобной ситуации не употребляется.

Описывая место свадобного застолья, информанты называют *хату, шалаи* (*Свадьбу гуляли у хате, у кого хата большая. Ну в основном дома у людей делают шалаи*). Тюркизм *шалаи* в южнобессарабских говорах развил значение *навес, под которым проходит свадобное застолье*.

Исследованные русские говоры, функционирующие в полилингвальном континууме междуречья Днестра и Дуная, отражают результаты длительных культурных и языковых контактов, проявившихся прежде всего на лексико-семантическом уровне. В анализируемом лексико-семантическом поле свадобы представлены как реликтовые этнокультурные элементы, сохранившиеся и в говорах метрополий, так и явления межъязыкового взаимодействия. Большая часть лексем-украинизмов вошла в южнобессарабские говоры без изменения семантики, но испытала фонетические и грамматические преобразования в соответствии с системными закономерностями русского языка.

Таким образом, в тематических группах *свадобные действия, свадобные чины, атрибуты свадобного обряда* содержатся в основном дублетно-синонимические ряды с общеславянскими, собственно русскими и заимствованными украинскими, молдавскими и

тюркськими елементами: *сватанье – заручины, сват/сваха – нанаиш/нанашка, полотенце – рушник, кочерга – куцуба, сыр – брынза, айва – гутуля, плачинда – плацинда, кабак – тыква* и под., которые квалифицируются как диалексия. Диасемия представлена заимствованным из українського найменованиєм изделий из теста – *шишки* и тюркизмом *шалаи*.

Наши наблюдения подтверждают факт существования значительного массива интерференциальных элементов, свидетельствующих об одинаковой для этого региона вербализации ментальных доминант, создающих общий междиалектный лексический фонд.

1. Гриценко П.Ю. Межиріччя Дністра і Дунаю у світлі лінгвістичної географії (стан і пріоритети) //Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. – Ізмаїл, 2006. – Вип.21.
2. Колесников А.А. Социолінгвістическое прогнозирование языкового развития в Придунайском регионе Украины //Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. – Ізмаїл, 1998. – Вип.5.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. – М.,1978.
4. Реформатский А.А. О сопоставительном методе //Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М.,1987.
5. Степанов В.Г. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М., 1976.
6. Семчинский С.В. Загальне мовознавство. – К., 1996.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978. – Т. III.
8. Словарь української мови: В 4 т. /Під ред. Б.Д. Гринченко. – К., 1996. – Т.3.
9. Словарь говоров Одесщины: В 2 т. – Одесса, 2000. – Т.I.